

Балерий Я. Брюсов

Конь блед

И се конь блед и сидящий на нем,
имя ему Смерть

Откровение, VI, 8

I.

Улица была - как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле - души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

II.

И внезапно - в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,-
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.

Valerij Ja. Brjusov

Ein fahl Pferd

Und siehe, ein fahl Pferd; und der
drauf saß des Name hieß Tod.

Offenbarung, VI, 8.

I.

Einem Sturme glich die Straße. Massen ohne Ziele
Eilten, als verfolgt sie Verhängnis unentwegt.
Droschken rasten, Omnibusse und Automobile,
Unerschöpflich, reißend war der Menschenstrom bewegt.
Ladenschilder schauten schillernd in die Schluchten nieder,
Sternengleich vom dreißig Stockwerk hohen Weltenall;
Alles hallte eine übermächt'ge Hymne wider:
Zeitungsjungenrufe, Räderbrausen, Peitschenknall.
Monde gossen angeschmiedet grellstes Licht herunter,
Monde, die geschaffen vom Beherrscher der Natur.
Solches Licht verjüngt die Seele, Trubel macht sie munter,
Jene Seele einer stadtbetrunk'nen Kreatur.

II.

Plötzlich, mitten in den Sturm, ins helle Höllenleben —
Scheinbar irdisch, doch ein Fieberwahndelirium,
Stampft ein fremdes, schrecklich tönend grauenvolles Beben,
Gleich wird alles Dröhnen, Gröhlen, Tosen todesstumm.

Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали - отголоски, крики,
Но мгновенье было - трепет, взоры были - страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

III.

И в великом ужасе, скрывая лица,- люди
То бессмысленно зывали: "Горе! с нами бог!",
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятенье, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей,- в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
"Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас - от мора, глада и меча!"

IV.

Но восторг и ужас длились - краткое мгновенье.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,

Um die Ecke biegt ein Reiter, flammend das Gesicht,
Wildes Feuer brennt im Blick dem ungstümen Hengste.
Hall durchschauert noch die Luft, in dem ein Schrei sich bricht,
Jeder Blick – ein Zittern, alle Augen – voller Ängste!
Ein entrolltes Pergament sieht man den Reiter heben,
Lettern wie von Feuer künden seinen Namen: TOD...
Lodernd scheint der Himmel sich mit Purpur zu durchweben,
Flackernd glüht das Firmament von Flammen feuerrot.

III.

Hände bergen schreckensbleiche Mienen – kein Entfliehen!
Manche schreien angstbesessen: „Gott, verlass’ uns nicht!“,
Schlagen sich voll Reue an die Brust im Niederknien...
Tiere suchen furchtsam einen Ort, der Schutz verspricht.
Eine Frau nur, deren Schönheit sonst mit Geld zu zahlen,
Stürzt sich mit Begeisterung auf’s Pferd, es anzuseh’n,
Küßt die Hufe unter Tränen wonnevoller Qualen,
Ringt die Hände himmelwärts, wo Flammenwinde weh’n.
Und ein Wahnsinniger, seiner Klinikhaft entflohen,
Springt herbei, zerrissen, kreischt in lustvoll wilder Wut:
„Menschen! Ahnt ihr’s nicht? So kann nur Gottes Arm euch drohen!
Eurer stirbt der vierte Teil an Hunger, Schwert und Flut!“

IV.

Augenblicke währten nur Entgeisterung und Schrecken,
Keiner blieb in der verwirrten Menge länger steh’n:
Neues Volk entströmte Nebenstraßen, dunklen Ecken,

Было все обычном светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

1903–1904

Alles war jetzt im gewohnten, klaren Licht zu seh'n.
Keiner wußte, der im lauten Sturme weiterwankte,
Ob nun Offenbarung die Vision, ob leerer Wahn.
Nur das lasterhafte Weib und der im Geist Erkrankte
Reckten noch die Arme nach dem Traume, den sie sah'n.
Wie ein falsches Wort im Vers mit hartem Federkiele,
Wurden bald auch sie von Menschenwogen weggefegt.
Droschken rasten, Omnibusse und Automobile,
Unerschöpflich, reißend war der Menschenstrom bewegt.

B.Specht, 8.12.95